

Л.В. Кангаспуро

«ФИНЛЯНДСКИЙ ВОПРОС» И ПРИНЯТИЕ НОВОГО УГОЛОВНОГО КОДЕКСА

На современном этапе в России хотят забыть о провале советской уголовно-исполнительной системы. Поэтому, как и полтора века назад, внимание обращено, с одной стороны, на опыт прошлого — зарождение пенитенциарной идеи в Российской империи, с другой стороны, на западную тюремную практику. Бессмысленно подвергать анализу процессы современного реформирования тюрьмы в России без знаний исторических уроков.

Социально-культурные различия в восприятии закона в России и Финляндии и как следствие отношение к тюремному заключению уже в середине XIX в. были очевидны. Жалостливые русские и законопослушные финны не могли понять друг друга. О многом скажет тот факт, что финские особо опасные преступники ссылались в Сибирь. Еще в начале XIX столетия финны сами ходатайствовали перед русским царем об этой услуге. Однако, как известно, впоследствии Финляндия во многом стала любимой моделью в прогрессивных кругах русского общества. Поэтому тюремная реформа, осуществленная в Великом княжестве в лучших западных пенитенциарных традициях, вызывала восхищение у специалистов разных областей отечественного «тюрьмоведения». Многие русские, надо признать, не без оснований, считали ее образцовой.

Освещение в российской историографии получило составление Первой части финляндского Уголовного уложения (ныне действующий Уголовный кодекс Финляндии, далее — УК), Вторая часть которого содержала нормы, регулировавшие исполнение наказания в автономии. Эта часть кодификации осталась в тени исследований. Однако, как считает финский

историк Алпо Юнтунен, «предпосылкой обновления УК была все-таки тюремная реформа»¹. Он утверждает, что первой причиной было плачевное состояние мест лишения свободы в новообразованной автономии. Ссылка финнов в Сибирь² в некоторой степени улучшила ситуацию в финляндских тюрьмах, поэтому долгое время не приступали к глобальным изменениям. Однако тюрьма постепенно реформировалась. Например, уже в 1848 г. была введена классификация арестантов по характеру и степени преступления, одиночное заключение для подсудимых и т.д.³

В середине XIX в. в Финляндии начался процесс модернизации. Поэтому по инициативе правительства было впервые предпринято полномасштабное исследование тюремного дела в крае. В ходе инспекторской работы комиссии наряду со многими другими недостатками выявилось неудовлетворительное состояние тюрем, здания которых требовали значительного ремонта и перепланировки. Это послужило толчком к пенитенциарной реформе. По истечении трех десятилетий начиная с 1860-х годов в Финляндии была учреждена тюремная система, отвечавшая мировым стандартам того времени. Как заключает А. Юнтунен, она позволила воплотить на практике правовые нормы, принятые УК 1889 г., создание которого по времени совпало с этим процессом.

Однако российский исследователь Р.Н. Дусаев высказывает противоположное мнение. По его мнению, «предпосылкой тюремной реформы было обновление УК»⁴. В своем исследовании «Уголовное уложение Великого княжества Финляндского: история создания, основные институты» он шаг за шагом доказывает это, подробно описывая подготовительный период создания нового УК. Начинает он с тезиса о преемственности правовых норм из Отделов о преступлениях и наказаниях Уложения Швеции 1734 г., которое вступило в силу в 1736 г. Наряду с денежными взысканиями чаще всего в уложении встречались смертная казнь, телесные и позорящие наказания. Наказание лишением свободы применялось в незначительных случаях. После присоединения Финляндии к России уже в 1814 г. была создана первая специальная комиссия для разработки нового уголовного законодательства⁵. Так началась работа над новым финским УК, которая продолжалась почти 75 лет...

Именно с середины XIX в. приобретала все более важную роль книжная и газетно-журнальная издательская деятельность, охватившая в сущности уже тогда все сферы жизни человека и общества. Это не могло напрямую не отразиться на формировании имиджа автономной Финляндии в имперской России. Однако, как справедливо отмечает И. Новикова, «примеча-

тельно, что за исключением «Московских ведомостей» в 1860–1870-е годы в России практически не критиковали Финляндию⁶. Только с середины 1880-х годов «финляндский вопрос» набирает силу. Например, статья русского юриста Г.Б. Слиозберга⁷, опубликованная в «Журнале гражданского и уголовного права» в 1887 г. под названием «Финляндский проект Уголовного Уложения»⁸ носит ознакомительный характер. Статья начинается так: «Навряд ли найдется в Европе еще одна страна, которая пользовалась бы столь старым кодексом, как Финляндия»⁹. Русский юрист был уверен в интересе отечественного читателя к этому вопросу. Далее автор кратко описывает историю создания проекта УК, более подробно останавливаясь на реформировании карательной системы. Он отмечает ориентацию проекта на ирландскую пенитенциарную систему. Однако одиночное заключение было введено ограниченно. Поэтому новый кодекс мог вступить в силу только при определенном условии — достаточном количестве мест для заключенных в тюрьмах княжества. Это препятствие было устранено к концу 1880-х годов, благодаря щедрым решениям Сейма по финансированию этой правительственной программы начиная с 1872 г. В конце статьи Слиозберг указывает на включение в проект УК прогрессивных для того времени норма — досрочного условного освобождения и содержания малолетних преступников в специальных учреждениях.

К концу 1880-х годов на страницах русских периодических изданий «замечается небывалое прежде оживление интереса к Финляндии», которое «сделалось предметом самых оживленных толков и в общественности, и в печати»¹⁰.

Во второй половине правления Александра III произошло изменение финляндского курса самодержавия¹¹. Заговорили о существовании в Финляндии «Основных законов», т.н. Финляндской конституции. Естественно, русскими националистами и монархистами ставилось под сомнение их соответствие имперским законам, поэтому принятие финляндского УК не могло пройти незамеченным. Вполне предсказуемо первыми отозвались «Московские ведомости», уличив «коварных» финнов в тайной подготовке кодификации, сославшись на халатность и проявленное «полное неведение графом Ф.Л. Гейденом того, что финляндскими сенаторами было предложено ему подписать»¹².

Автор статьи, решив проверить этот сомнительный факт, обратилась к архивным источникам. Выяснилось следующее... Окончательно одобрив проект УК 1 августа 1884 г., финский сенат направил его копию для рассмотрения генерал-губернатору Гейдену. Подробно изучив документ, он,

в свою очередь, в октябре 1884 г. доводит до сведения свои соображения по данному вопросу до министра статс-секретаря Ф.А. Бруна. «Ввиду общей желательности осуществления этого нового уложения, составляющего плод долговременных научных прений и практической опытности... я не намерен предложить какие-либо изменения в этот труд»¹³. Далее Гейден все-таки указывает на свое несогласие с некоторыми положениями, которые, между прочим, относились к нормам, регулировавшим наказание финнов на территории империи и наоборот. То есть именно на то, на что потом будут ссылаться недовольные финляндским УК. В следующем 1885 г. статс-секретарь сообщает о доведении до сведения императора как самого проекта, так и комментариев генерал-губернатора. В ответном письме он указывает на желательность внесения рекомендованных изменений. А именно министр иностранных дел обратил внимание на то, что в «шведском тексте вместо слов “другого края” поставлено “иностранное государство”¹⁴». Полученные Гейденом замечания были направлены в финский сенат. В фонде Канцелярии генерал-губернатора сохранилась копия журнала сената о внесении изменений, что свидетельствует о том, что обратная связь была получена. Более того, генерал-губернатор ознакомился с внесенными изменениями и заверил администрацию в Санкт-Петербурге, что других замечаний не имеет¹⁵. Таким образом, восполнился пробел, который Р.Н. Дусаев назвал «медлительностью финнов», объяснив ее благодушием финляндских государственных деятелей, не предполагавших, что политика царизма по отношению к княжеству может резко измениться, а его автономный статус окажется поколебленным.

Окончательный текст УК, утвержденного Сеймом 1888 г., также был представлен в статс-секретариат Великого княжества до его опубликования. Известный сторонник объединения автономии и России К.Ф. Ордин ознакомился с финским текстом документа и отметил приемлемость его для империи¹⁶. Однако нужно отметить, что Ордин быстро изменил свое мнение в условиях резко изменившегося правительственного курса империи и поднявшейся газетной шумихи, опубликовав уже в следующем году несколько «разгромных» статей в «Московских ведомостях».

Формально с «незаконностью» принятия в Финляндии Уголовного уложения дело разрешилось. Примерно в это же время была опубликована книга Л. Мехелина¹⁷ на русском языке об основных законах Финляндии, переведенная все тем же Ординым, которая, по меткому замечанию профессора Т. Вихавайнена, стала «межевым столбом»¹⁸ в финляндско-русской полемике. Консерваторы и либералы, славянофилы и западники по-разному

оценивали этот факт. Опасаясь финского сепаратизма и развала империи, к концу 1880-х годов в России в консервативно-националистической прессе сформировался новый «образ Финляндии».

В 1889 г. новый финляндский УК получил императорское утверждение, но затем его введение в действие, намеченное на 1 января 1891 г., было приостановлено. Это стало не только делом законодательным, но и идеологическим и политическим. Развернулась «борьба» между финляндскими и российскими юристами и государственными деятелями, которая получила широкое освещение в различных русскоязычных периодических изданиях и прессе.

Резкий поворот в обсуждении нового УК происходит в 1890 г. Как подчеркивает российская исследовательница М.А. Саблина: «В этот период на первый план выходит националистическая и консервативная тематика в публикациях относительно Финляндии»¹⁹. Финляндские политические лидеры и имперское правительство, как оказалось, видели правовые связи княжества и империи в совершенно различном свете.

Этот вопрос привлек больше внимания российской прессы, чем когда-либо раньше. Тон дискуссии задавали юристы. Особенно выделяется своим негативным отношением к Финляндии основанный в том же году журнал «Юридическая летопись»²⁰ (правда, просуществовал он только до конца 1892 г.). Именно его издатель, известный российский юрист и государственный деятель, первый председатель окраинного общества Н.Д. Сергеевский²¹ опубликовал известную статью Н.С. Таганцева о финляндском Уголовном уложении²². Авторы, придерживавшиеся имперской позиции, не ограничились только статьями в периодических изданиях. Вопрос создал целую литературу, выделяясь главами в монографиях современников: «Одним из последних и самых выдающихся свидетельств того, что финляндские политики считают свою страну самостоятельным государством... служит уголовное уложение Великого Княжества 1890 г.»²³. Даже впоследствии, когда эффективность нового финского УК была доказана на практике, известный русский юрист и государственный деятель В.К. Случевский²⁴ отмечал опасность существования двух кодексов в одном государственном пространстве. Он писал: «Одновременное существование в стране двух уголовных кодексов и, как мы видели уже, неизбежно не совпадающих в своих постановлениях... представляется явлением, угрожающим серьезными осложнениями»²⁵.

Мне представляется непринципиальным разные мнения финских и российских исследователей в вопросе первичности финской тюремной

или уголовной реформы. Вопросы настолько взаимосвязаны, что в данном случае неважно, что было первым. Главное, Финляндия в тот период получила поступательные привилегии режимов содержания в смиренных домах и тюрьмах, которые должны были не только благотворно отразиться на перевоспитании заключенных, но и подготовить их к дальнейшей ресоциализации. Это получило положительную оценку в прогрессивной русской юридической литературе²⁶.

Решающим в ходе изменения Уложения 1889 г. было все-таки не мнение и труды комиссии Таганцева или кого-либо еще. Объяснение кроется в конкретных исторических условиях. Расширение автономии Великого княжества Финляндского в рассматриваемый период шло вразрез с постепенно утвердившейся в империи политикой на сближение административного и законодательного устройства окраин с общегосударственной системой. Укрепление финляндской независимости в сложившейся ситуации неизбежно вело к столкновению с общегосударственными интересами и постепенно меняющимся правительственным курсом.

Во времени пересмотра УК 1889 г. в России Александром III стали осуществляться контрреформы, направленные против прогрессивных либеральных веяний той поры. Полоса же контрреформ в отношении финляндской автономии лишь намечалась²⁷. Также в Финляндии изменился состав сената. Либерально настроенные сенаторы во главе с Й. Снельманом были вынуждены уйти в отставку, а на их места пришли более консервативные деятели²⁸.

Однако в силу значительного сопротивления всех политических партий, большинства общественных и государственных деятелей Финляндии попытки радикально изменить принятый УК не увенчались успехом. Уже в то время ведущие эксперты обращали внимание на теоретико-правовую сторону финляндской уголовной кодификации 1889 г. как на одну из самых передовых во всем мире. Учитывая это, царскому правительству пришлось довольствоваться лишь незначительными поправками.

Мы не можем отрицать тот факт, что эволюция тюремной системы в Финляндии во многом была определена относительно благоприятным становлением ее государственной автономии в рамках Российской империи. Развиваясь самостоятельно, пенитенциарная доктрина в Финляндии избежала заметного влияния на нее уголовного российского законодательства.

Эффективность нового финского УК была доказана уже в первые годы его применения. По статистическому анализу, рецидивы преступлений у побывавших в заключении снизился. Причины «живучести» и поныне

действующего кодекса, на мой взгляд, кроются в разумном комбинировании международных пенитенциарных инноваций с разумной финской тюремной практикой того времени, относительно благоприятном течении политической жизни автономии в составе Российской империи и достаточном финансировании тюремной реформы из местного бюджета княжества.

* * *

¹ Юнтунен А. Ссылка финнов в Сибирь из автономного Великого княжества Российской империи и ссылки в Сибири. Хельсинки, 1984. С. 6. См. также: Юнтунен А. Участие финнов в строительстве Сибирской железной дороги. Петрозаводск, 1992.

² С 1826 по 1888 г. в Сибирь был сослан 3321 финн (2859 мужчин и 462 женщины).

³ Гротенфельт А. Тюремное дело в Великом княжестве Финляндском. Отчет, представленный финляндским Тюремным Управлением в апреле 1890. Гельсингфорс, 1890. С. 6.

³ См.: Дусаев Р.Н. Уголовное уложение Великого Княжества Финляндского. История создания, основные институты. Л., 1988; Дусаев Р.Н. Кодификация уголовного законодательства Финляндии XIX в.: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1992.

⁴ Дусаев Р.Н. Уголовное уложение Великого княжества Финляндского. С. 27.

⁵ Новикова И. «Пороховой склад», «притон для революционеров», «плацдарм для террористов»: образ Финляндии в российской националистической печати (вторая половина XIX — начало XX в.) // Финляндия и Россия: образы общего прошлого: Сб. науч. статей / Сост. и науч. ред. И.Р. Такала, А.В. Толстиков. Петрозаводск, 2014. С. 192.

⁶ Генрих Борисович Слиозберг (1863–1937) — российский юрист и общественный деятель. По возвращении из-за границы, где продолжал юридическое образование, выдержал экзамен на звание магистранта уголовного права. Писал статьи для специальных журналов, участвовал в работе юридических организаций и обществ, выступал с общественно-юридическими работами в общих изданиях. В период с 1899 по 1903 г. Слиозберг был редактором журнала Санкт-Петербургского юридического общества, который при нем стал называться «Вестник права».

⁷ Слиозберг Г. Финляндский проект уголовного уложения: Октябрь // Журнал гражданского и уголовного права: Октябрь. Издание С.-Петербургского юридического общества. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1887, Кн. 8. С. 123–130.

⁸ Там же. С. 123.

⁹ Коркунов Н.М. Финляндское Великое княжество // Юридическая летопись. СПб., 1890. Апрель. С. 317.

¹⁰ См.: Дусаев Р., Ревнова М. Финляндия от Александра I до Александра III. СПб., 2012.

¹¹ Финляндское уголовное уложение по отношению к государственным преступлениям // Московские ведомости. 1890. 15 апреля. № 102.

¹² Национальный архив Финляндии. Фонд Канцелярии генерал-губернатора. Уголовные законы Финляндии. 1890 г. Фа. 1613. № 34. I. Письмо генерал-губернатора ВКФ министру статс-секретарю ВКФ от 16 (28) октября 1884 г. № 1764. С. 44.

¹³ Там же. Письмо министра статс-секретаря ВКФ генерал-губернатору ВКФ от 14 (26) марта 1885 г. № 1764. С. 50–51.

¹⁴ Там же. Письмо генерал-губернатора ВКФ министру статс-секретарю ВКФ от 13 (25) мая 1889 г. № 883. С. 56.

¹⁵ Записка, поданная графу И.И. Воронцову-Дашкову 26 ноября 1889 г., об Уголовном уложении. Ордин Б. От издателя // Ордин К.Ф. Собрание сочинений по финляндскому вопросу: В 3 т. СПб., 1908. Т. I. С. VI–VII.

¹⁶ *Мехелин*. Конституция Финляндии, перевод с примечаниями и дополнениями К. Ордина, 1888 г.

¹⁷ *Вихавайнен Т.* Столетия соседства: Размышления о финско-русской границе. СПб., 2012. С. 70.

¹⁸ *Саблина М.А.* Восприятие Финляндии в России (конец XIX — начало XX в.) // Международные отношения и диалог культур: Сб. науч. статей. СПб., 2013. Т. 1. С. 362.

¹⁹ Законодательная хроника об уголовном уложении в.к. Финляндского // Юридическая летопись. 1891. СПб., 1891. Ч. 1. С. 130.

²⁰ *Сергеевский Н.Д.* К вопросу о коренных законах в к. Финляндского. СПб., 1899; К вопросу о финляндской автономии и основных законах. СПб, 1902.

²¹ *Таганцев Н.С.* Великое княжество Финляндское: Выдержка из лекций по русскому уголовному праву. Том II, издание 2-е. СПб., 1902. С. 245–252. Переиздано отдельной книгой в 1910 г.

²² *Еленев Ф.* Финляндский современный вопрос по русским и финляндским источникам. СПб., 1891. С. 158.

²³ Случевский состоял членом комиссии по составлению нового Уложения 1903 г. и по пересмотру судебных уставов. Он был одним из учредителей Петербургского юридического общества, написал известный «Учебник русского уголовного процесса» (в 2 т.).

²⁴ *Случевский В.К.* Столкновение русских и финляндских законов // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1908. № 5. С. 127.

²⁵ Финляндское уголовное уложение в связи с общим финляндским вопросом // Вестник Европы. СПб., 1891. № 3. С. 452–464; *Лякуб П.* Новое уголовное уложение Финляндии // Журнал гражданского и уголовного права. СПб., 1890. № 7. С. 157.

²⁶ *Остен-Сакен В.* Государственно-правовые положения Великого княжества Финляндского в Российском государстве. СПб., 1910. С. 89, 91.

²⁷ *Суни Л.В.* Очерк общественно-политического развития Финляндии в 50–70-е годы XIX в. Л., 1979. С. 6, 106.